

SCOTT ODEN

A GATHERING OF RAVENS

СКОТТ ОДЕН
СТАЯ ВОРОНОВ

*Перевод с английского:
Дарья Сергеева*

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

О-41

Серия «Шедевры фэнтези»

Scott Oden

A GATHERING OF RAVENS

Публикуется с разрешения издательства
St. Martin's Press, LLC и литературного агентства
Nova Littera SIA.

Перевод с английского: *Дарья Сергеева*

Дизайн обложки: *Юлии Межовой*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Оден, Скотт.

О-41 Стая воронов / Скотт Оден.— Москва: Издательство АСТ, 2020.— 475, [1] с.— (Шедевры фэнтези).

ISBN 978-5-17-105736-7

Даны зовут его скрелингом, англичане – оркнеем, а ирландцы – фомором. Он – Глашатай смерти и Жизнекрушитель, Предвестник ночи, сын Волка и брат Змея. Его имя Гримнир, и он последний из своего племени – последний в древнем роду чудовищ, с древности бывших бичом человечества.

Преисполненный жажды мести к убийце своего брата, Гримнир отправляется в мир, где уже царит новая вера. Старые пути порастают травой, те, кто им следовал, скрываются в тених, но Гримнир неумолимо идет к своей цели: оставив позади датские фьорды, где мудрость древних гномов уступила место безумию, он попадает в раздираемое войнами сердце Англии, где борются друг с другом лесные духи. А затем – на изумрудные поля Ирландии, в основанный викингами Дублин, где вскоре сойдутся в битве последователи Старых и Новых путей, и где монстру, закланному врагу людей, придется сделать самый трудный выбор в своей жизни.

Copyright © 2017 by Scott Oden

© Дарья Сергеева, перевод, 2020

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Посвящается Стиву Томкинсу
и Мигелю Мартинсу,
моим братьям по оружию*

Сам зная о себе, что он злодей,
Других считал преступнее и злей.
Про честного он думал: лицемер!
И ставил дерзкого ему в пример.
Он знал, что ненавидим, нелюбим,
Но знал, что враг трепещет перед ним.
Он непонятен был, и дик, и нем,
Не связан чувством никогда ни с кем.

Лорд Байрон, «Корсар»

(Перевод А. И. Оношкович-Яцыны)

Все стихло, все прошло, последний ждет костер;
Угас свет ламп, смолк пиршественный хор.

Роберт И. Говард

КНИГА ПЕРВАЯ
ОСТРОВ ЗЕЛАНДИЯ, ДАНИЯ
ГОД ОТ РОЖДЕСТВА ГОСПОДА НАШЕГО
ИИСУСА ХРИСТА 999

1

Вой пришедшей с запада бури походил на глас Божий, ужасный, заглушающий слова еретиков, что отрицали грядущий конец света. Осень выдалась теплее обычного, и Ньял, сын Хьялмара, оставивший в прошлом году китовый путь ради знамени Белого Христа, знал, что рассчитывать на это тепло и дальше не стоит. Оставшийся в Еллинге священник, золотушный негодяй, который обращал в истинную веру мечом чаще, чем крестом, предупреждал, что эта *оведер* – непогода – дело рук дьявола; что жар преисподней нагревает мир людей, и вскоре воины Господни вырвутся из Райских врат, чтобы привести землю в порядок.

Еще год назад, до крещения, Ньял посчитал бы это чушью и погнал бы священника в шею. Тогда в оглушительных раскатах грома и рассекающих ночное небо копьях молний ему виделась рука языческого Тора; за пронизывающей до костей стеной дождя и града слышался фальшивый смех великанши Ран. Он приносил жертвы и взывал к Одину с мольбами о защите. Но теперь с его глаз, словно с очей апостола Павла, спала пелена, и он видел прямо перед собой истину: мощь старых богов уга-

сала, близился конец света – не вероломный Рагнарек с лживыми обещаниями славы и вечной резни, но Судный день, когда Белый Христос вернется, дабы очистить землю от язычников, отступников, предателей Господа.

И Ньял, сын Хьялмара, считал себя счастливецом – спасение души было даровано ему так близко к концу времен...

Небеса рассекла молния. Ньял крепче сжал поводья. Его осел шарахался в стороны и то и дело пытался сорваться вперед, бешено вращая от страха глазами. Лишь сила могучих рук его хозяина – наследие времен, когда тот ходил в набег с норвежским королем Олафом, сыном Триггва, – удерживала животное от того, чтобы сойти с тропы в подлесок, где, как доказательство скорой зимы, начинали буреть красно-оранжевые листья, трепетавшие на ветру. Дорога, гораздо больше похожая на коровью тропу, вводила вглубь страны, прочь от берега Тюленьего рифа. Целью их пути был Роскилле; прибыв туда, Эйдан, спутник Ньяла, поступит на службу к старому отцу Гуннару, а сам Ньял... чем заняться ему? Просто ждать конца времен?

По лицу Ньяла сквозь темную с проседью бороду текла вода. Он натянул поводья, пытаясь сдвинуть с места треклятого осла, но лишь прочертил сапогами борозды в грязи. Ноги скользили на мокром камне, он чуть не упал.

– Да чтоб тебя, жалкая ты скотина! Клянусь, если доберемся до Роскилле, освежую и сапоги из твоей выжранной мухами шкуры сошью! – набросился на животное Ньял. Его голос снесло порывом воющего ветра.

На мгновение он подумал было вернуться на берег, укрыться от бури в заросших мхом развалинах старой

каменной башни – напоминании о тех днях, когда Зеландией еще правили Скьельдунги. Но Тюлений риф уже был дальше, чем в двух часах ходьбы от них, а до Роскилле оставался день, может, два дня пути. Нет, нужно было подыскать убежище здесь и сейчас.

Дождь немного утих, вдали все еще слышались громовые раскаты. Ньял огляделся в поисках Эйдана. Непоседливый юный бритт, весь последний год помогавший направлять народ данов от тьмы к свету Христову, оказался прямо перед ним: он карабкался вверх по склону холма, цепляясь за камни и кусты. Ньял нахмурился.

– Эйдан!

Тот обернулся. Ураган сорвал с него капюшон, стало видно покрытую копной медных волос макушку и гладкое, без намека на бороду, лицо. Эйдан сгибался под яростью ветра; черный шерстяной плащ хлестал его по спине, словно едва проклюнувшиеся крылья. Эйдан указал на что-то чуть выше от него по склону.

Там, укрытая кустами боярышника и ежевики, зияла раскрытая пасть пещеры.

Ньял махнул Эйдану рукой. Хотя новая вера была крепка в нем, дан не утратил предрассудков своего языческого рода. Он с юных лет знал, что в таких пещерах могли скрываться ужасные существа, страшнее любого волка или медведя. Может, туда слетались на шабаш ведьмы, плести невод песен, навлекающих рок на добрый люд; может, в тених прятались тролли, вайты или гоблины, готовые схватить неосторожного путника. Идущее по земле слово Господне, хоть и сдерживало нечисть забытого мира, все же не могло уничтожить ее окончательно...

Ньял, чувствуя ползущий по спине ледяной ужас, крикнул Эйдану:

– Там опасно!

– Не опаснее, чем идти сквозь бурю! – отозвался тот высоким, тонким, как у евнуха, голосом. Не дожидаясь ответа, он вскарабкался на уступ, проскользнул через заросли боярышника и растворился во тьме пещеры.

Ньял разразился длинной, абсолютно не достойной христианина бранной тирадой. Он не решился оставлять осла на произвол судьбы. Один внезапный раскат грома – и они не увидят своих вещей в лучшем случае до приезда в Роскилле. Ньял потащил животное за собой по склону, извергая новые потоки ругательств; когда впереди встала стена боярышника, по лбу Ньяла, несмотря на дождь и пронизывающий до костей холод, уже текли капли пота. Проклятая животина остановилась у входа как вкопанная, и он уступил: как можно крепче привязал поводья осла к самой толстой ветке. Ньял взял из поклажи свой *скеггокс* – топорик на короткой дубовой рукояти, с которым не расставался со времен хождения по китовому пути, – и прокрался вперед сквозь ветки и ежевику, почти ожидая найти вместо Эйдана лишь кровавые ошметки.

Но боевой клич замер у него на губах, а готовность к славной смерти испарилась перед явным отсутствием противника. Тощий мальчишка стоял посреди пещеры, целый и невредимый. Он оглянулся на Ньяла, сверкая голубыми глазами, – словно предлагая вымокшему, взъерошенному дану его укорить. Хотя щеки Эйдана покраснели и обветрились, черты его лица оставались по-женски нежными и изящными. Если бы Ньял не знал его, то принял бы за младшего сына какого-нибудь ярла.

– Бог любит дураков, – пробормотал Ньял, тяжело дыша. – Не вижу другого объяснения тому, что ты еще жив.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – усмехнулся Эйдан. – Теперь нам есть где укрыться от бури.

В Зеландии редко можно было наткнуться на пещеру, а уж эта, как понял Ньял, была редкостью сама по себе. Ее размер поражал. В ней бы легко поместился насыпанный в Еллинге могильный курган Горма Старого. Вход в пещеру казался лишь выступом на стене шахты; сверху лился тусклый свет, капли воды просачивались сквозь поросшую кустарником трещину в двадцати футах над их головами и падали вниз, в образовавшееся в углу пещеры озерцо примерно в тридцати футах под ними. На берегу озерца росли три куста боярышника. Их чахлые ветви все еще покрывали пестрые осенние листья. Четвертый куст, полностью засохший, стоял голый, словно карикатура на своих соседей. Ньял не мог сказать, насколько длинна пещера: ее дальний конец скрывался во тьме. Интересно, может быть, они попали в логово дракона, издохшего в схватке, но успевшего прикончить Бодвара Гаута, короля скьельдунгов? Даже вверив свою жизнь Христу, Ньял чувствовал, как его кровь – кровь бывшего язычника – вскипает в жилах при мысли о том, чтобы вонзить топор в чешую великого змея. То-то была бы славная смерть!

Эйдан осторожно подошел к краю уступа и всмотрелся в озеро.

– Почему здесь все не затопило?

– Готов спорить, что вода уходит сквозь трещины в камне, – Ньял потянул носом воздух. Сырой и затхлый, с едва уловимой животной вонью, напомнившей

ему о плохо дубленной кожаной куртке, которую надевали под кольчугу.

Справа от входа спускались ко дну пещеры каменные ступени, словно вырезанная гномами лестница. Ньял ступил на одну. Скользкие от сырости, они все равно казались надежными. Дан начал спускаться первым, свободно держа в руке топор. Другая ладонь скользила по стене пещеры. Под пальцами чувствовались царапины и борозды.

– Руны, – произнес он, и фразу подхватило эхо.

Эйдан всмотрелся.

– Я думаю, это на латыни.

– Что здесь сказано?

Юноша повертел головой и привстал на цыпочки, стараясь лучше разглядеть полустертую надпись.

– Ор... Оркадии? Может, Оркады?

– Оркнейские острова?

Эйдан пожал плечами.

– Сложно сказать. Может быть...

Наверху засверкали слепящие вспышки молний; раздавшийся в ответ громовой раскат, казалось, сотряс землю. К тому времени, как Ньял и Эйдан спустились вниз, сквозь трещину в потолке вновь полил дождь. Цепи молний рассеивали мрак пещеры; в их ярком свете Ньял разглядел другой символ, выцарапанный глубоко в стене: глаз с вертикальным, как у гигантского змея, зрачком. Могучий дан содрогнулся.

– Что это за разбойничье логово?

– А есть разница? – отозвался Эйдан. – Бог дал нам сухой уголок, чтобы укрыться от бури. Ты что, станешь воротить нос от даров Всевышнего?

Ньял угрюмо посмотрел на глаз; его беспокоила варварская жестокость, с которой начертали символ. Память что-то нашептывала ему – какое-то предостережение из детства. Ньял огляделся по сторонам, словно из мрака пещеры вот-вот должен был выступить дьявол с острым шипом на конце хвоста.

– Врата Сатаны – это не дар.

Эйдан фыркнул и покачал головой.

– Иди заруби тот сухой куст и добудь нам дров. А я проведаю нашего бедного осла. Думаю, ты охотнее вознесешь хвалу за Божью щедрость, когда высушишь одежду, согреешься у костра и съешь горячий ужин.

Ньял поворчал, но уже очень скоро они разбили лагерь рядом со ступенями у стены. Однако никакие уговоры не заставили осла зайти в пещеру глубже, чем на относительно сухой пяточок. Сжалившись над дрожащим животным, Эйдан снял с его спины вещи: две плетеные тростниковые корзины, вынул их завернутое в тюленьи шкуры содержимое и оставил осла у входа стреноженным и привязанным, с мерой овса и ведром воды из озерца на дне пещеры.

С треском ожил огонь, даря их углу немного света и тепла. Пока Ньял развешивал над костром солонину на бечеве, Эйдан достал смену одежды и пошел переодеваться к дальнему краю пещеры, в темноту. Когда он вернулся и начал раскладывать у костра промокшие вещи, Ньял последовал его примеру, соблюдая царившее между ними негласное уважение к чужой нагоде. Он отошел, и Эйдан, выудив из мешка немного хлеба с сыром, пригоршню сушеных яблок и флягу разбавленной медовухи, разложил еду по мискам. От аромата жареной сочной свинины, шипящей на огне, рот напол-

